

Русская цивилизация. Категории понимания

Когда мы говорим о Русском мире, мы говорим о вызове и выборе. Выборе русского языка и русской идентичности и вызове той «беловежской» геополитической системе, которая обрекла русских на статус крупнейшей в мире разделенной нации. Разделенной, разрезанной по живому становящимися всё более отчуждающими границами и в то же время единой.

Этнос-цивилизация

Русские по-прежнему остаются самой многочисленной в мире нацией, которая спаяна чем-то большим, чем гражданство. Китайцы, хиндустанцы, американцы, бенгальцы – это гражданские общности, объединенные политической судьбой и каким-то набором цивилизационных черт. Русские и в качестве огромной нации остаются по-прежнему единым этносом, чья внешность, язык и образ жизни одинаковы на всем пространстве от Севастополя, Донецка и Риги до Сахалина и Камчатки и где нет никакой принципиальной границы между Москвой и сколь угодно отдаленными окраинами.

Все попытки извлечь из таких феноменов, как поморы, казаки, сибиряки, нечто большее, чем региональные и социальные особенности, сконструировать из них субэтноты и этноты слишком отдают политическим ангажементом повторить «удачу» с отрывом от России Украины. «Домыслы о гетерогенности русского народа – это миф, имеющий сугубо политическую природу. По мировым масштабам русские – исключительно цельная, единая нация. По степени религиозного и языкового единства регионов, по близости культурных матриц русские не имеют аналогов среди крупных наций планеты», – наставляет нас Святейший Патриарх Кирилл [13, с. 57].

Иногда можно встретить противопоставление этнического и цивилизационного начал и услышать призыв отбросить «узкую» этнографичность во имя широкого поля гражданской нации и имперской культуры. Однако это – не русский случай. Русскую культуру невозможно понять без ее этнографических особенностей, без ее народного субстрата.

Русские представляют собой этнос-цивилизацию, подобно следующим за нами в списке с отрывом в 25 млн человек японцам. Но если те расположены в тесноте группы островов, то как это удастся народу, раскинувшемуся на огромном пространстве, да еще исполосованном теперь границами? Как это удастся народу, среди которого живет и теснейшим образом взаимодействует с ним множество других народов? Однако русские не просто сохраняют иден-

тичность, но и притягивают к себе других, так что когда мы говорим о Русском мире и русском выборе в границах современной России и за их пределами, то мы говорим и об этнических русских, и о множестве людей, представляющих другие этносы, для которых их идентичность определена, однако, русской цивилизацией¹.

Риск и счастье быть русскими

Та идентичность, которая является предметом сознательного выбора, формируется цивилизацией. Цивилизация – фабрика идентичностей. И несомненно, что феномен русской цивилизации реален, причем не только на контрасте «Россия не Европа», но и сам по себе. Россия гораздо менее «не Европа», чем «не Азия», «не Африка» и «не Америка» – и это позволяет ей мерить себя европейской меркой и отталкиваться от Европы как от соперницы. Русским вряд ли пришло бы в голову доказывать себе и друг другу до остервенения тот факт, что мы не Китай. Не будь этого цивилизационного соперничества с Европой, Россия была бы гораздо менее русской и, кстати сказать, менее европейской.

Россия – это осуществление нацией некоего цивилизационного выбора и интериоризация индивидом выработанного цивилизацией строя. Русская личность – это проявление через конкретный характер и поступок тех богатых предпосылок, которые предлагает ей русская цивилизация. И чем более богат и разнообразен усвоенный цивилизационный опыт, тем и сама личность более ярка и неповторима. В эпоху глобализации особенно наглядно проявляется то обстоятельство, что чем более национальна та или иная личность, тем более она индивидуальна.

Однако можем ли мы определить то конкретное содержание, те цивилизационные коды, которые русская цивилизация «усваивает» своим носителям и которые настолько определяют их бытие, что люди готовы бороться, сражаться и даже умирать за Русский мир, в том числе тогда, когда не прозвучало обязывающего государственного приказа.

Что это за идентичность, которая стимулирует *риск быть русскими*? Что это за переживание, которое дарит *счастье быть русскими*? Ведь без ощущения счастья, связанного с идентичностью, последняя не может воздействовать скольконибудь устойчиво. Что это за цивилизация, «фабрикующая» русских, и может ли она быть описана и определена в терминах цивилизационного анализа?

Охота на мамонта

Как и всякая существенная реальность, выступающая объектом гуманитарного изучения, цивилизация подобна слону, обсуждаемому слепыми мудрецами. Кто-то ощупывает ногу и говорит, что слон подобен баобабу. Кто-то хватается за хобот и убежден, что слон подобен змее. Кто-то, обнаружив длинные острые бивни, приходит к убеждению, что слон – это холодное оружие. Наконец кто-то нащупывает теплую шерсть и догадывается, что перед нами вообще не слон, а мамонт.

Исследователей природы цивилизаций можно условно разделить на три большие группы, по тому, с какой стороны они смотрят на слона.

¹ «Мы не имеем право забывать, что главным творцом отечественной культуры является русский народ. При всей открытости нашей культуры, при всей разумной готовности принять в наши ряды человека любого происхождения, нам следует всегда помнить, что без существования русского народа и без Православия наша отечественная культура не могла появиться на свет и не имеет перспектив в будущем» [13, с. 71].

Одни, можем назвать их мудреным словом «энвайроменталисты» (или более простым – географисты), разделяют оценку Фернана Броделя: «Говорить о цивилизациях – значит говорить о пространствах, землях, рельефах, разнообразии климата, растительности, животного мира, об унаследованных и приобретенных преимуществах» [4, с. 39]. Сторонники этого подхода, а тут и Лев Мечников, и Арнольд Тойнби, и сам Бродель, и Джаред Даймонд, и Фелипе Фернандес-Арместо, рассматривают цивилизацию как систему адаптаций к природной среде, в большей или меньшей степени следуя тойнбианской парадигме «вызова и ответа».

Другие рассматривают цивилизацию в соответствии со старомодным, но оживленным на новом витке Норбертом Элиасом подходом: цивилизованность – это обуздание аффектов и страстей, система самоконтроля и контроля за поведением, вежливость. Впрочем, фрейдистская революция в науках о поведении не прошла даром – всё чаще взгляд на цивилизацию показывает, что важнее в ней не то, как человек обуздывает свои аффекты, а то, что остается необузданным. В конечном счете разве не страсть и вражда движут историю? С этим, пожалуй, согласились бы и Конрад Лоренц, и Борис Поршневу, и Лев Гумилев.

Наконец, третий подход к пониманию цивилизации уже более столетия остается самым популярным – это взгляд на нее как на совокупность важнейших символов, формирующих матрицу культуры и задающих параметры «коллективного мышления». В этом лагере исследователей мы обнаружим и Николая Данилевского с Константином Леонтьевым, и Освальда Шпенглера, и Питирима Сорокина, и Шмуэля Эйзенштадта, Сэмюэля Хантингтона, Вадима Цымбурского. Все они в той или иной форме рассматривают цивилизацию как систему символов, кодирующих, по выражению Эдварда Шилза, «центральную зону культуры». Главное содержание этой центральной зоны задается сакральной вертикалью, определенным религиозным мировоззрением и культом. «Религия... – резюмирует Бродель, – представляется наиболее сильной характерной чертой цивилизаций, она одновременно их прошлое и настоящее» [4, с. 52].

Есть среди исследователей цивилизаций и те, кто, признавая их индивидуальное историческое лицо, гораздо больше внимания уделяет процессам культурной диффузии, то есть взаимопроникновению изобретений и технологий, идей, стилей и мотивов. Таковы Уильям Мак-Нил или наш соотечественник, неомальтузианец С.А. Нефедов. Особое внимание они уделяют прогрессу и распространению военной технологии, которая задает мировой истории вектор глобальности.

Где-то рядом парадигма сторонников мир-системного анализа от Фернана Броделя до Иммануила Валлерстайна и Джованни Арриги, отводящих роль такого глобализирующего фактора экономике и торговле между «мирами-экономиками» – подозрительно напоминающими всё те же цивилизации.

Никакого принципиального и неразрешимого противоречия между этими группами исследователей при рассмотрении «слона» нет.

Разумеется, цивилизация – это и своего рода программа освоения большого пространства. Карликовых цивилизаций не бывает, но бывают цивилизации, как нынешняя западная, с глобалистскими притязаниями. В основе цивилизации лежат вызов пространства и программа ответа на него, использования даваемого пространством преимуществ, превосходства трудностей и в конечном счете – достижения независимости от среды.

Разумеется, цивилизация – это и определенный этос, и программа установления контроля над инстинктами и аффектами. Состояние, противоположное дикости. Через цивилизующие нормы жизни человек только и становится человеком. И не случайно, что в XVIII веке там, где сейчас мы говорим «циви-

лизованность», «гуманность», «вежливость», М.М. Щербатов или М.В. Ломоносов сказали бы «людскость»¹. Но то уникальное сцепление природной страсти и выработанной в споре с нею людскости дает уникальный характер, который в каких-то элементах сокрыт на глубине генетической памяти и младенческого воспитания, а в каких-то свободно воспитывается и передается через литературу, искусство, повседневный опыт сожития и общения.

Разумеется, цивилизация – это и существование в ритме «длительной временной протяженности». Мы можем считать присущими цивилизации лишь те явления, которые переживают века и тысячелетия, которые не разъединяют, но связывают разные периоды истории одной и той же общности. Часы наций, государств, культур, могут лететь быстро – часы цивилизации идут медленно.

Разумеется, цивилизация – это и отказ. Об этом вновь и вновь напоминает Бродель: «Цивилизация чаще всего отторгает любое культурное благо, которое угрожает одной из ее структур. Этот отказ заимствовать, эта скрытая враждебность достаточно редки, но они всегда ведут нас в самое сердце цивилизации... Не может существовать цивилизации, достойной так называться, если она что-то не отвергает, от чего-то не отказывается» [4, с. 58–59]. Иногда, как указывает Бродель, отказ чреват для цивилизации гибелью, как отказ Византии от унии с Римом. Но что такое для цивилизации риск погибнуть во времени по сравнению с риском потерять себя в вечности? Когда сегодня русская цивилизация поражает Запад консерватизмом в семейных ценностях, в неприятии всесмешения «толерантности», перед нами тот самый отказ, который укрепляет русскую цивилизацию в ее самостоянии.

Разумеется, цивилизация – это и технологический поиск, совершенствование экономических институтов, порыв к знаниям. Да, любой из этих аспектов может быть транслирован от одной цивилизационной общности к другой, причем война и торговля являются эффективными трансляторами: совершенствуй свое оружие или умри, совершенствуй свои производительные силы или вылетишь в трубу. Но именно потому, что и знания, и техника легко передаются, большинство изобретений и открытий делается лишь один раз. Нужно было достичь плотности и напряженности технологического соревнования европейских народов, чтобы стали возможны такие феномены, как параллельный поиск в радиосвязи Попова, Теслы и Маркони. Но уже история лампы накаливания – это цепь последовательных, а не параллельных изобретений. После того как Шпенглер разрушил миф о единой универсальной математике, невозможно отрицать, что даже в таких универсальных и легко поддающихся диффузии сферах, как вооружения, технологии, наука, экономика, существуют и уникальное цивилизационное лицо, и национальный стиль.

Разумеется, цивилизация – это и система религиозных смыслов и культурных символов. Причем система, не выводимая ни из природного, ни из аффективного начал. Природа Нила могла подсказать идею умирающего и воскресающего божества, но никак не волю к бессмертию через сохранение тела, выраженную в погребальном культе фараона, воздвигшего великие пирамиды. Центральное «послание» египетской цивилизации, как и любой другой, выглядит таинственным.

Центральная культурно-символическая идея цивилизаций – не продукт среды. Она представляет собой в известном смысле откровение. В центре которого – порыв к бессмертию, страстный протест человеческого существа против смерти, разрешаемый в ту или иную культурную формулу. Бессмертие – че-

¹ «Мы подлинно в людскости и в некоторых других вещах... удивительные имели успехи и исполинскими шагами шествовали к поправлению наших внешностей, но тогда же с гораздо вящей скоростью бежали к повреждению наших нравов» [37].

рез причастие божеству, через память и славу людские, через погребальный ритуал, а где-то, как в раннем буддизме, через отрицание жизни и абсолютизацию смерти.

Формула истинного человека

В конечном счете, как выражался Вадим Цымбурский, «цивилизация – это особое человечество на своей особой земле, осененное сакральной вертикалью, совокупностью верований, которые соотносят существование этого человечества с последними смыслами и причинами бытия человеческого рода» [31]. Каждое особое человечество, как и человечество целокупное, стоит перед лицом определенного набора проблем, связанных с пережитой человеческим родом онтологической катастрофы.

Можно по-разному относиться к фактической историчности описания этой катастрофы в Библии, но нет никакого сомнения в том, что перед нами система исчерпывающих метаисторических символов.

Грехопадение – и отчуждение человека от Бога и от природы, низвержение в смертность и трудную борьбу за пропитание, обреченность на умственную, биологическую и нравственную ограниченность. Каиново протобийство – и начало бесконечной кровавой борьбы между представителями рода людского, похлестываемой завистью, действие в человеческой истории радикального хитроумного и многоликого зла и в то же время – запущенный убийственный маховик военного прогресса. Всемирный Потоп – и упразднение остатков человеческой власти над природой, и появление новой земли, неподвластной ни магии, ни исполинскому нечестию, – краткоживущие люди обречены охоте и мясоедению для пропитания. Вавилонское столпотворение – и взаимное отчуждение языков, народов и рас, рассеянных по земле, более уже не склоняемых на общее зло и обреченных на вечное взаимное противоречие, состязание и вражду.

Библейская история ставит человека перед фактом его реального исторического состояния и в то же время предлагает определенное объяснение его недовольству своим положением в мире. Ведь в самом деле как-то надо объяснить тот факт, что человек (результат серии прижившихся в среде случайных мутаций) не только не счастлив своими преимуществами над животными, деревьями и камнями, но напротив – обречен на непрестанное страдание, связанное с переживанием своей смертности, своей ограниченности, своей отчужденности от ощущаемой в себе лучшей природы.

Как отмечал русский философ Виктор Иванович Несмелов: «Человек неизбежно вступает в замкнутый круг загадочных противоречий. Он сознает, что в пределах и условиях наличного мира он живет именно так, как только и можно ему жить по физической природе. И в то же самое время он сознает, что эта единственно возможная для него жизнь не соответствует его духовной природе. Между тем та идеальная жизнь, которая бы соответствовала его духовной природе, не может быть достигнута, потому что она противоречит условиям физической жизни. В сознании и переживании этих взаимных противоречий человек необходимо приходит к сознанию себя как загадки в мире» [19, с. 223].

Человеческая история является пространственно-временным континуумом для решения этого противоречия. Народы и нации – коллективными деятелями по поиску такого решения. Цивилизации – пространством решений. Каждая цивилизация содержит свой ответ об истинном человеческом бытии и набор способов его достижения. Как умножить знание? Как найти пропитание? Как продлить жизнь? Как победить смерть? Каждая цивилизация – тем она и отличается от небольших локальных культур – имеет полную линейку ответов на

все эти вопросы, предполагает, что в ее рамках человек настолько может приблизиться к своей подлинной природе, настолько очеловечиться, что основное противоречие получит близкое к идеальному разрешение.

Цивилизация – это формула истинного человека в его взаимоотношениях с природной средой, в познании самого себя, в избавлении от материальных тягот и в выражении творческого восторга, в защищенности от агрессии других людей и в устремлении к Богу. Цивилизация – это те коллективные структуры: политические, религиозные, коммунитарные, – через подключение к которым человек получает свой социальный экзоскелет.

Уместность или неуместность приписывать той или иной геополитической и геокультурной общности статус цивилизации следует из полноты предлагаемой ею формулы истинного человека. И в этом смысле не может быть сомнений – русская цивилизация существует, поскольку ее формула отличается исключительным богатством и полнотой, а ее ответы порой существенно разнятся с ответами других цивилизаций.

«На вопрос, является ли Россия самостоятельной цивилизацией в семье крупнейших цивилизаций планеты, мы обязаны дать утвердительный ответ. Да, Россия – это страна-цивилизация, со своим собственным набором ценностей, своими закономерностями общественного развития, своей моделью социума и государства, своей системой исторических и духовных координат», – говорит Патриарх Кирилл [13, с. 35].

Давайте, сделав поправку на определенную субъективность любого исследовательского подхода в науке о цивилизациях, взглянемся попристальнее в эту русскую фабрику истинного человека.

Север

В списке самых высокоширотных населенных пунктов у России не так уж много призовых мест, поделенных преимущественно между Норвегией и Канадой. Ситуация резко изменяется когда речь заходит о самых северных городах. Самый северный город-миллионник – Санкт-Петербург. Самый крупный город за полярным кругом – Мурманск. Самый северный город-стотысячник – Норильск. Самое большое число городов, стоящих на вечной мерзлоте.

Русские не просто заглядывают на Север за рекордами, не просто держат форпосты и коммуникации в надежде на временные выгоды. Русские на Севере живут. Живут там, где, в представлении представителей других цивилизаций, жить невозможно.

Эта растерянность человека иной цивилизации перед феноменом русского Севера сквозит в книге британца Фелипе Фернандеса-Арместо «Цивилизации». Начинает он свой труд с декларации: «я предпочел бы быть частью цивилизации, которая меняет мир с риском пожертвовать собой, а не жить в обществе, которое лишь скромно поддерживает свои минимальные потребности... Я хочу принадлежать обществу, которое остро реагирует на вызовы природы, а не подчиняется им» [29, с. 54].

Однако, пробежавшись по культурам на Крайнем Севере, похвалив навыки инуитов в строительстве иглу, умение саамов питаться вшами, отвагу викингов, которые решились сунуться в Гренландию, пусть в конечном счете они там и погибли, Фернандес-Арместо в недоумении останавливается перед феноменом Норильска. «В Норильске с его двухсоттысячным населением дома стоят на вечной мерзлоте на сваях, квартиры отапливаются 288 дней в году, постоянно приходится убирать снег, а “уличное освещение вчетверо ярче, чем в русских городах, расположенных южнее”. Похоже, в определенных средах цивилиза-

ция – это иррациональная стратегия. И здесь лучше подчиниться природе, чем пытаться приспособить ее для нужд человека» [29, с. 82].

Эта немного комичная и поспешная капитуляция перед средой и русским опытом успешной победы над нею свидетельствует о том, что мы имеем дело с отнюдь не рядовым цивилизационным достижением. Именно русская цивилизация продвинулась как нельзя дальше в деле освоения Севера для постоянной городской жизни, для размещения крупных поселений в условиях, которые представителям других цивилизаций кажутся нечеловеческими. Создать городскую, индустриальную, многочисленную, устойчивую и культурно развитую цивилизацию в условиях нечеловеческого холода, а порой и полярной ночи – для этого нужна определенная стратегия.

Эта стратегия, возможно, существует на пространстве Русской равнины тысячелетиями, скорее интегрировав в себя русский этнос, нежели став его изобретением. Еще в самом начале археологически реконструируемой истории человеческого рода – в эпоху Валдайского оледенения – мы обнаруживаем в приледниковой зоне развитую цивилизацию охотников на мамонтов сперва «виллендорф-костенковского», затем «мадленского» типа¹.

Не слишком ли громко сказано: «цивилизация»? В рамках принятой нами системы оценок – ничуть. Эта цивилизация базировалась на постоянных долговременных поселениях, стройматериалом для которых служили кости мамонта. Она обеспечивала себе постоянное устойчивое пропитание за счет охоты на крупного зверя и технологическое продвижение за счет интенсивного использования кости. Для этой цивилизации характерен высокий уровень развития искусства – от «венер» Костенок, Виллендорфа, Мальты до потрясшего наших современников искусства Альтамиры, Ласко и Каповой пещеры. В основе искусства этой цивилизации лежали определенные религиозные представления.

Именно зона холодового стресса, зона приледниковья оказалась для человечества той эпохи зоной скачка в развитии. Антропологи, исследуя создавшего эту культуру человека, обнаружили своеобразные механизмы биологической адаптации, как у мужчины, чей скелет найден в Сунгири во Владимирской области. Средние для нашего времени показатели для того времени указывали на настоящего долгожителя-великана.

Для организма сунгирьцев оказался характерен особый тип адаптации к среде, совершенно не похожий на тот, который выработался у неандертальцев или у современных народов Крайнего Севера. Их крупный организм был настроен на интенсивный самообогрев – кость изнутри была довольно тонкой, оставляя много места костному мозгу, а значит, и интенсивной выработке крови. Антропологи предполагают, что для этого человеческого типа было характерно закрепление в популяции не середнячков, а наоборот, наиболее сильных, крупных, экстраординарных особей². В этой модели адаптации – укрупнение и

¹ Так, современные археологи говорят о «мадленской цивилизации с ее шедеврами пещерной наскальной живописи и не менее поразительными произведениями косторезного искусства» [7, с. 117].

² «Теоретически в низкотемпературных условиях естественный отбор должен действовать в направлении сокращения поверхности тела, прежде всего за счет уменьшения конечностей, как это, вероятно, произошло у неандертальцев в финальном палеолите. Большие размеры тела сунгирьцев наряду с большим объемом костно-мозгового пространства свидетельствуют об ином морфофизиологическом пути адаптации к холодному стрессу, оказавшемуся, если судить по его последствиям, более эффективным в начале верхнего палеолита... По-видимому, условиям существования сунгирьцев больше отвечает механизм движущей формы естественного отбора, которая реализуется на основе селекционного преимущества некоторых вариантов перед представителями средней нормы...» [9, с. 382].

усложнение вместо усреднения, интенсивный самообогрев в условиях холода вместо сокращения поверхности тела – невозможно не увидеть отдаленное предвестие той цивилизационной адаптации, которая станет характерна для Русской равнины впоследствии.

Нетрудно заметить, что Север здесь не только географическая сторона света, но и метафора любых экстремальных вызовов среды, будь то Арктика или Антарктика, Океан или Космос. В экстремальных условиях русские развивали свою цивилизацию как нормальную, с полным хозяйственным комплексом, не столько адаптируясь к природным условиям, сколько адаптируя их к себе, создавая искусственную среду. Экстремальность, установка на достижение невозможного (а порой – нечувствие границ возможного) – важная часть русского самосознания.

В конечном счете это сознает и сам Фернандес-Арместо, делающий заявление, что если бы наблюдатель из космоса, зная будущее наперед, наблюдал бы за изменением течения мировой истории в 1492 году, то начало русского движения в Сибирь показалось бы ему несравнимо более значительным событием, нежели плавание Колумба и Васко да Гамы: «Морские империи, основанные западноевропейскими государствами по следам Колумба, Кабота и Васко да Гамы, исчезли. Поистине из всех европейских империй, основанных в начале современного периода, уцелела только Российская империя в Сибири; ее потенциал и сегодня далеко не освоен. И если космическому наблюдателю судьба Югры в 1490-х годах покажется более интересной, чем участь араваков или коикой, кто может сказать, что он не прав?» [29, с. 584].

Здесь, мне кажется, британскому исследователю удастся ухватить главное. Сибирь – это еще до конца не сыгравшая ставка в мировой истории. Арктика – ставка, которая по большому счету еще и не начала играть. И весь арктический потенциал России обращен в будущее.

Матушка-рожь

Цивилизация – это прежде всего хлеб, хлеб и еще раз хлеб. Сельское хозяйство как возможность человека контролировать свои пищевые ресурсы и накапливать их, освобождение от необходимости скитаться с места на место, создание валюты для реализации больших проектов (это ведь только в плохих советских учебниках надсмотрщики гнали армии рабов строить пирамиды, на деле труд рабочих команд покупался и довольно щедро оплачивался).

Своеобразие аграрной основы предполагает итоговое своеобразие цивилизации. Фернан Бродель выделил три больших аграрно-цивилизационных мира со своими своеобразными хлебами: мир пшеницы, мир риса и мир маиса¹. Но великий француз на сей раз ошибся, зачислив во «второстепенные культуры» рожь, хотя и признав, что в голодные годы единственной страховкой Европы были «балтийские корабли, груженные рожью в той же мере, как и пшеницей», и к 1590 году дошедшие до пшеничного Средиземноморья [5, с. 124].

Но если для Западной Европы рожь и впрямь была лишь подспорьем, то для России она стала «растением цивилизации», той аграрной основой, без которой никакая государственность, никакая городская цивилизация, система обороны, культурная жизнь были попросту невозможны. Сама возможность Руси появилась лишь тогда, когда в I тысячелетии нашей эры началась масштаб-

¹ «Они были «растениями цивилизации», которые очень глубоко организовывали материальную, а порой и психическую жизнь людей, так что создавались почти необратимые структуры. Их история – тот детерминизм цивилизации, тяжесть которого они взвалили на крестьянство и на всю жизнь человечества» [5, с. 121].

ная ржаная революция в Северной Европе¹. В Средневековье рожь давала на Руси стабильный урожай сам-три или сам-четыре, чего западноевропейцам с их пшеницей удавалось добиться далеко не всегда и периодически происходило скатывание к сам-два. В образцовых северорусских хозяйствах, особенно монастырских, урожайность доходила и до 1:9.

Рожь создает предпосылки для развития цивилизации и ее распространения столь далеко на север. Она же выступает как инструмент власти и политического единства. Суздальские, а затем московские князья, держа хлебный путь в Новгород, предопределили невозможность новгородского сепаратизма, обеспечили то итоговое единство военно-аграрных сил Москвы и торгово-колониционных сил Новгорода, смыкание которых в 1478 году означало рождение великой России.

Опора на рожь позволила России освоить русский Север, создать устойчивое государство с боеспособной армией, перейти за Урал и сделать Сибирь не далекой колонией, а органичной частью русского цивилизационного пространства. Завязанная на ржаной хлеб и квас система питания русского воинства делала его в XVI–XIX веках сильнее и здоровее большинства европейских армий. Во время турецкой войны 1877–1878 годов русское интендантство более всего опасалось, что солдаты не смогут есть румынскую и болгарскую пшеницу, и заботилось о скорейшем подвозе ржи [25, с. 625].

«Матушка рожь кормит всех сплошь, а пшеничка – по выбору» – в этой русской поговорке заложена наша аграрная философия. Русская продовольственная триада – это ржаной хлеб, ржаной квас и пряник, который без примеси ржи едва ли имел бы столь узнаваемый для нас вкус. Пища, питье и та сласть, без которой слишком горек был бы вкус повседневной жизни.

Насущный хлеб русской цивилизации – это ржаной хлеб, и привязанность к нему столь высока, что для русского за границей тоска по черному хлебушку была и остается чуть ли не главной составляющей ностальгии. Утопической нелепостью были попытки большевиков изменить этот цивилизационный код. Сперва попытки Сталина привить пшеницу на севере и надежды на «яровизацию», породившие феномен лысенковщины. Но ставка на пшеницу хотя бы сохраняла Россию в пределах европейского цивилизационного ареала. Еще более нелепой оказалась кукурузная авантюра Хрущева – попытка переместить Россию в круг маисовых цивилизаций.

Реки «Русского Острова»

Северное положение и культура ржи сыграли определяющую роль в истории русской цивилизации, но в известном смысле общи с соседними народами – скандинавами. Того же нельзя сказать о русской реке – совершенно уникальном факторе среды, предопределившем особенности и границы русской цивилизации как таковой.

Русский хозяйственно-культурный тип предполагает адаптацию к пойменному ландшафту. Русская модель расселения ориентирована на берега рек и озер, в особенности на высокие берега рек. Русские издревле селились по рекам, водоразделы же заселялись в последнюю очередь в случае крайнего земельного голода – и по сей день именно такой тип расселения остается основ-

¹ «Повсеместное распространение ржи в качестве основной сельскохозяйственной культуры заметно потеснило ячмень и пшеницу у славян и скандинавов в VII–IX вв., вело к стабилизации и росту продуктивности земледелия... Это способствовало увеличению площади запашки, возникновению новых поселений и преобразованию системы общинного землепользования» [27, с. 12].

ным на русском Севере¹. Русский город традиционно ставится на мысу у места слияния реки с притоком. Русский человек живет на реке и живет рекой. Наша цивилизация может быть по праву определена как речная.

Россия представляет собой пространство переплетенных друг с другом и соединенных волоками речных бассейнов. Они омывают со всех сторон и пронизывают собой, словно каналы, все русское пространство. По сути, Россия представляет собой остров, или, если угодно, архипелаг, стоящий на водах и собранный речными коммуникациями [32]. Границы Русского Острова простираются до тех пределов, куда добираются русские реки или же связанные с ними озера и моря. Именно потому устойчивая территория России – это речная зона. Но оказалась возможной и экспансия на Кавказ посредством Черного моря и в Среднюю Азию посредством Каспийского моря.

Речная сеть от Невы, Немана и Днестра и Дуная на западе, Терека и Кубани на юге, Амура и Уссури на востоке предопределила и геополитическую обширность России, и прочность ее территориального единства. Если русский город стоит на реке, то он тем самым связан со всем пространством России, как отмечал М.В. Ломоносов относительно Санкт-Петербурга: «Примечая состояние сего места находим, что пользуемся великим доброхотством природы, которая на востоке распространяет великия через целое отечество реки для сообщения с дальними азийскими пределами, кое природное дарование усугубить тщится Ваше Величество соединениями водного пути к несказанной пользе сея славныя столица и пристани» [цит. по: 11, с. 30].

Само рождение Руси – государства, народа и цивилизации – связано с коммуникационной линией, протянувшейся от Черного и Средиземного морей до Балтики и Северного моря. Фернан Бродель обозначает эту коммуникацию как «русский перешеек» шириной 1200 километров, ставя его в числе коммуникаций, меридионально стягивающих Европу наравне с «французским перешейком», связывающим Север и Юг по Сене, Рейну и Роне [6, с. 232].

Может показаться парадоксом, что столь дальняя окраина Европы что-то с чем-то связывала. Однако в VIII–XI веках реки Русской равнины оказались в самом центре событий. Как отметил Анри Пиренн, именно тогда прерывание арабскими пиратами коммуникаций между Западным и Восточным Средиземноморьем обрекло Запад на по-настоящему темные века – деградацию культуры, экономики и упадок римского наследия [20]. Сохранить выход к Византии означало сохранить доступ к ведущему центру цивилизации. И единственным быстрым и надежным водным путем между Северной Европой и Константинополем оказывается путь по русским рекам. Именно поэтому в летописной легенде апостол Андрей, желая пойти в Рим, не отправляется в Италию Средиземным морем, а делает крюк через Русскую равнину. «Андрѣю учащу в Синопии, пришедшу ему в Корсунь, увидѣ, яко ис Корьсуны близъ устье Дьньпръское, и въсхотѣ поити в Римъ». Это описание нормы не для I, а для IX века.

Контроль за «русским перешейком» оказывается ключом к успеху. Тогда и встречаются на этом пространстве две традиции, чтобы сплестись воедино – исключительное мастерство славян в освоении внутренних водоемов – озер и рек – и исключительный дар викингов к стратегическому мореплаванию, уникальный для раннего Средневековья. Возникший синтез – *стратегическое рекоплавание* – становится на долгие столетия ведущей чертой русской цивилизации.

¹ «Прибрежное заселение с очаговым размещением населения по рекам и озерам, безлюдьем речных водоразделов, возникшее еще в период расселения славян по северным рекам, остается основным и до настоящего времени... С проложением сухопутных дорог селения возникали на пересечениях рек с дорогами» [24, с. 37].

Никакая торговля варягов с Византией и Персией без дозволения тех, кто контролировал внутренние водные пути, была невозможна. Множество sag рассказывает, как приходящим в Ладугу скандинавам приходится ждать «мира» со стороны князя «Ярицлейва» и новгородцев, чтобы свободно пройти до Хольмграда (Новгорода) и далее. Без такого «мира» двигаться дальше вглубь русских рек было немыслимо, а потому великое военно-торговое предприятие, которым изначально была Русь, возможно, было плодом славяно-варяжского синтеза, закрепившегося в новой этнической, культурной и цивилизационной идентичности.

Река является для летописца «Повести временных лет» базовой единицей географического самоопределения. По рекам «салятся» славянские племена. По рекам же расчислен Путь из Варяг в Греки. Арабский географ аль-Идриси пишет о «Русской реке», устье которой, кстати, однозначно идентифицируется с Керченским проливом [10]. Древняя Русь, изображаемая на карте широкими мазками, хотя и порождает иллюзию немыслимой для той эпохи территории, на деле представляла собой лишь сетку тонких паутинок, протянутых от града к граду и от села к селу по русским рекам.

Речная война становится тем типом войны, в котором русская судовая рать демонстрирует особые преимущества – от дальних походов русов на Каспий, воспетых Низами Гянджеви, до великого стояния на Угре. Война за окончательное упразднение ордынской зависимости в 1480 году была стратегической операцией, в обеих составляющих которой центральную роль сыграли именно реки. Пока русская рать удерживала орду Ахмата на берегу Угры, не позволяя с помощью артиллерии пересечь водную преграду, судовая рать под командой Василия Ивановича Ноздреватого Звенигородского и татарского царевича Нур-Даулета двинулась по Волге до Сарая и нанесла врагу удар в тыл, разграбив ордынскую столицу. Орда Ахмата потеряла устойчивость и в конечном счете повернула¹.

Покорение русскими Урала и Сибири стало возможно только благодаря амфибийной военной тактике казаков и землепроходцев. «Реки Урала и Сибири во многом определяли направление русских завоевательных и колонизационных потоков не только потому, что технически облегчали их продвижение вглубь континента, но и в силу того, что позволяли при переходе от леса к степи сформировать «подвижную структуру» безопасности (казачьи речные флотилии), способную к глубоким вторжениям в зоны сплошного враждебного окружения» [2, с. 29]. Всего за шестьдесят семь лет после начала похода Ермака русские землепроходцы по рекам и арктическим морям преодолели расстояние «навстреч солнцу» до крайней точки востока, которую обогнул в 1648 году Семен Дежнев.

¹ Вопрос об историчности похода Нур-Даулета и Ноздреватого – один из ключевых при реконструкции событий стояния на Угре. Рассказ о нем содержится в «Казанском летописце» [12, с. 56–57] и не имеет параллелей в других источниках. Это позволило С.М. Соловьеву отвергнуть его как недостоверный. При этом следует учитывать общую историографическую тенденцию Соловьева к умалению личности Ивана III, представлению стояния на Угре как «негероического» события. Здесь мы имеем дело с классическим антимифом. Вслед за К.В. Базилевичем [3, с. 145–146] мы не видим оснований отвергать этот рассказ: он удачно объясняет мотивы действий Ахмата и ложится в канву других стратегических операций Ивана III, неизменно включавших войну на реке. Было бы странно, если в минуту крайней опасности Иван не использовал бы инструментария речной войны. Впрочем, даже если признавать за этим рассказом лишь силу легенды, это еще более проясняет русский стратегический архетип: в качестве успешного стратегического хода летописец видит именно операцию на реке.

Засечная черта

Важнейшая особенность исторической судьбы России и ее геополитического устройства – расположение на границе лесной и степной зон, на границе Великой Степи. Тысячелетнее противоборство со степняками вызвало к жизни множество мифов. С одной стороны, концепцию «щита Европы», восходящую к Пушкину и Блоку и уверенно принимаемую европейскими исследователями: «Судьба России, – отмечает Бродель, – долгое время была предопределена ее приграничным положением: защищая Европу, она амортизировала удары, которые наносились со стороны Азии, что дорого ей обходилось» [4, с. 502]. С другой стороны – миф о евразийской семье народов, в которую якобы вступила Россия с монгольским нашествием, – «вымышленном царстве» от Южного Китая до Новгорода, мнимо предопределившем судьбу Евразии в противовес Европе.

На деле ни о каком братстве говорить не приходилось: от битвы на Калке в 1232 году до сожжения Алексина в 1472-м по источникам насчитывается 132 ордынских похода на Русь [26]. Столь же безосновательна и гипотеза о «щите». Русские спасали самих себя, а не «Европу». Европе в лице польско-литовского государства доставалось от татарских набегов не меньше, вплоть до того, что одно время польские короли признавали себя вассалами крымских ханов за Киев. Но защищаться приходилось прежде всего от самой Европы. Спусковым механизмом, запустившим маховик непрерывных набегов, стало появление генуэзской колонии в Каффе, откуда дорогой живой товар отправлялся в итальянские и французские города.

В 1465 году одна флорентийская синьора в письме к сыну со знанием дела рассуждает о сортах рабов: «Мне пришло на мысль, что раз ты женишься, тебе необходимо будет взять рабыню... Если ты имеешь это намерение, напиши какую. Какую-либо татарку, которые все выносливы в работе, или черкешенку, отличающуюся, как и все ее соплеменницы, здоровьем и силой, или русскую, то есть из России, которые выдаются красотой и сложением» [21, с. 40].

Большое количество русских рабов поглощала и Золотая Орда. А со становлением Османской империи для работорговли открылся ее огромный консолидированный рынок. И Орда, и Казанское ханство и, в еще большей степени, Крымское ханство были прежде всего колоссальными работорговыми предприятиями, высасывавшими соки из русского народа. Борьба России со степняками была отнюдь не империалистическим и колонизационным предприятием, а прежде всего стремлением остановить это постоянное кровотоечение, как мало что еще предопределявшее пресловутое «отставание» России.

Если на Севере и в Сибири Россия наступала, то на Юге – трудно оборонялась, и в этой борьбе выработался уникальный институт русской цивилизации, изменивший ход мировой истории, – Засечная черта. Цивилизация не раз и не два пыталась отгородиться от варварства – от Вала Адриана и всей системы римского «лимеса» и Великой китайской стены и до вымышленной Стены в «Игре престолов» и проектируемой «Стены Трампа» между США и Мексикой. Поскольку в основе всех этих проектов лежал принцип «преграждения пути», они рано или поздно оказывались не слишком успешными и не смогли защитить ни Рим, ни Китай.

Засечная черта представляла собой систему динамической защиты. «Лесные завалы – засеки только восполняли и смыкали естественные препятствия местности – реки, озера, болота, овраги и т.д., чередуясь с частиками – частоколами, надолбами, земляными валами и рвами в безлесных промежутках» [39, с. 15]. Засеки заполняли пространство между крепостями и острогами, в которых сосредотачивались гарнизоны – силы стрельцов, дво-

рян и казаков. «А крепости всякие крепки бывают людьми, а без людей никакая крепость ненадежна» [39, с. 13].

Черта работала не как стена, а как ловушка. Разумеется, было невозможно отследить неприкосновенность тысяч километров преграды. Задачей было направить набеги степняков по немногим заранее известным маршрутам тщательно сохраняемых татарских проломов и постараться перехватить их на обратном пути, отобрав весь полон. Засечная черта была обращена как на юг, так и на север, работая как *капкан* на хищника¹.

Засечная черта была сложнейшей гибкой оборонительной системой, плодом того государственного единства, самодержавной централизации, без которой Россия вряд ли смогла бы существовать. Требовалось мобилизовать трудовые ресурсы, разработать план строительства и последующей охраны укреплений от растаскивания, требовалась постоянная бюрократическая работа Разряда по организации сторожевой службы. И над всем этим главенствовала мысль о единстве державы: «велено тебе лесной завал учинить и в засечных воротех острог и башню поставить, и всякими крепостями засеку укрепить для бережения всево Московскаго государства, а не для девяти деревень», – выговаривала грамота Разряда проштрафившемуся воеводе [39, с. 286].

Но сковывающая сила государства – это одна сторона вопроса. Засечная черта не сработала бы без непрерывного упругого потока народной колонизации. Крестьяне, казаки, гулящие, беглые стремились селиться на черноземной степной границе, несмотря на постоянные татарские набеги и непрерывную игру с пленом и смертью. «Есть что-то чудесное, – замечал академик М.Н. Тихомиров, – в заселении обширных южнорусских степей, подвергавшихся постоянным набегам татар» [28, с. 418]. Лучше понять это чудо мы сможем, обратившись к обсуждению русского аффективного строя, того, что можно считать доминантой русского национального характера.

«Русский аффект»: обида

Норберт Элиас рассматривал процесс цивилизации как постепенное установление контроля над аффектами [38]. Цивилизация – это вежливость. Для того чтобы исследовать этот процесс, он в деталях изучил эволюцию застольных манер, правила поведения в обществе, то, как постепенно убирались с глаз долой грязные и агрессивные проявления человеческой натуры.

Особенно впечатляющую и неочевидную эволюцию проделали застольные манеры, связанные с употреблением мяса: место руки и ножа заняла вилка (пришедшая, кстати, из Византии) – специальное устройство, имитирующее не оружие, а руку. На застольные манипуляции с ножом наложен был все более жесткий запрет. Впрочем, при встрече с цивилизованными гостями с Запада китайцы умозаключили: «европейцы – варвары, они едят мечами» [38, с. 193].

В этом локальном примере столкновения цивилизаций отражается более общая проблема европейского цивилизационного процесса – он был прежде всего трансформацией чрезвычайно высокой агрессивности, характерной в особенности для германцев в эпоху Великого переселения народов. Ключевым аффектом западных народов было оскорбление – агрессия, проявляемая для установления иерархии, причем с выраженным элементом сексуального доми-

¹ Вот картина из того времени, когда сплошной черты еще не существовало и засеки приходилось делать *ad hoc*, но и они были эффективны. Летопись рассказывает об отбитии набега татар на Тулу в 1518 году: «Татарове послышав великого князя воевод, скоро возвратишася; а наперед их зайдоша по лесом пешие многие люди украиные да им дороги засекоша и многих татар побиша, а иные многие татарове по реком истопоша» [39, с. 18].

нирования. Кто имеет право оскорблять, тот господин, кто не имеет, тот раб и серв. Равный не может спустить оскорбления равному.

Долгие столетия понадобились для того, чтобы решить эту проблему, приучив европейцев к вежливости, воздержанию от оскорбительного поведения. И вежливость эта уже перетекает в абсурдные формы политкорректности. Атмосфера агрессии убиралась из общества через создание суперагрессора – централизованной власти государства, имеющего монополию на насилие и не терпящего конкурентов.

Для нашей цивилизации обуздание агрессивных аффектов никогда не представляло какой-то кардинальной проблемы. Вежливость осваивается русским довольно легко, а подавление символики агрессии, изъятие ее из повседневности, происходит как бы само собой. Достаточно вспомнить, что на европейских празднествах XIX века на смену цельным тушам и большим кускам животных пришла так называемая русская разделка, произведенная заранее, на кухне и освобождавшая застолье от всякой ассоциации с убийством.

В то же время русский эмоциональный строй так же чрезвычайно аффективен. Но в его центре лежит не фигура оскорбления, а фигура обиды [подр. см.: 30]. Обида – это такое проявление негативного отношения, которое не обязательно носит насильственный характер, не выстраивает некоего иерархического отношения власти и подчинения и ведет не к конфликту, не к «дуэли», а, напротив, к максимальному эмоциональному и физическому отдалению участников конфликта друг от друга. Если участники социальной системы, где доминирует аффект оскорбления, непрерывно «наскикивают» друг на друга и пытаются опытным путем установить отношения власти, то участники системы, где доминирует аффект обиды, отталкиваются друг от друга вплоть до полной социальной диссоциации.

Обида рассматривается как несправедливость, обделение, присвоение чужой доли и ведет к ослаблению единства. Именно разрыв социальной ткани благодаря обиде и является той главной тревогой, которая заложена в русской цивилизации.

Вспомним основные идеи «Слова о полку Игореве». В основе распрей князей, ведущих к нарушению единства и угрозе гибели Русской земли, – именно Обида. Вражеское нашествие и разорение земли оказывается непосредственным плодом Обиды.

Въстала Обида въ силахъ Дажьбожа внука,
въступила девою на землю Трояню,
въсплескала лебедиными крылы на синемъ море у Дону,
плещучи, упуди жирня времена.
Усобица княземъ на поганья погыбе,
рекоста бо брать брату: «Се мое, а то мое же»,
и начяша князи про малое «Се великое» мълвити,
а сами на себе крамолу ковати
а поганіи съ всехъ странъ прихождаху съ победами на землю
Русьскую.

Та проблема, с которой сталкивается русская цивилизация на своем пути, – это преодоление обиды, стимуляция, а в некотором смысле и принуждение к социальности. Как остановить Русский мир в его разбегании, пространственном и моральном? Как пробудить от пассивности и «нежелания иметь дело», сплотить в некоем общем социальном действии?

Именно по этой причине огромную роль в русской картине мира играют такие категории, как единство, справедливость, терпение. Постоянный страст-

ный поиск русскими единства – не плод мнимого «холизма», якобы присущего русской цивилизации в противоположность западному индивидуализму, а, напротив, следствие дефицита единства и преобладание над связями разрывов и обид.

Поскольку в основе обиды чаще лежит несправедливость, неуважение, присвоение чужой доли, имеет место обостренная постановка вопроса о справедливости, возникновение всевозможных механизмов имущественного поравнения и передела, идущих часто вопреки хозяйственной эффективности. Перед нами не рыночная неэффективность, якобы по природе присущая русской цивилизации, а страх перед теми аффективными механизмами обиды, которые могут всё обнулить.

И отсюда же русское понимание терпения как выдающейся добродетели. Оно связано не с отсутствием достоинства, а с сознательным социальным обузданием нетерпеливости, страстности, социального нигилизма. Навык к терпению обид и смирению без социального разрыва так же важен для функционирования русской цивилизации, как навык удерживаться от оскорблений и агрессивного вызова для человека цивилизации западной.

Охота к перемене мест

Плодом «русского аффекта» является исключительно высокая подвижность русского этноса. Как отмечает этнограф Татьяна Щепанская в своей работе о мифоритуальном восприятии дороги в русской культуре: «*Русские – движущийся этнос с самосознанием оседлого*» [36, с. 8]. Несмотря на свой городской и сельский строй, привязывающий к месту сложный аграрный быт, культурные институты, присущие только оседлым обществам, русский этнос чрезвычайно подвижен, и это является одной из его важных цивилизационных характеристик, без которой Россия вряд ли оказалась бы первой по площади страной мира.

Русский обладает всеми свойствами оседлости. И русскому же все время приходится перемещаться – и как личности, и как носителю национальной судьбы. Мы народ варягов и поморов, казаков и колонистов, беглых и ссыльно-поселенцев. Редкий русский, родившись в одном населенном пункте, в нем же и отдает Богу душу. Но каждую секунду своего дорожного бытия он стремится к дому, к его прочности и обустройству.

В этой функциональной устремленности русской души к дому, бесконечно движущейся по гиперболе и никогда вполне дома не достигающей, суть русской исторической драмы.

Долго ль мне гулять на свете
То в коляске, то верхом,
То в кибитке, то в карете,
То в телеге, то пешком?

Не в наследственной берлоге,
Не среди отческих могил,
На большой мне, знать, дороге
Умереть Господь судил...

(А.С. Пушкин)

Пространственное перемещение является базовой русской реакцией на обиду. Это с изумительной тонкостью отметил С.Т. Аксаков в самом начале своей «Семейной хроники». Побудительной причиной к переселению Багрова-деда

на уфимскую окраину, к «башкирцам», оказывается нежелание жить в тесном миреке мелкопоместных кляуз и обид между родичами¹.

И тот же механизм мы видим во всем ходе русской колонизации: нежелание терпеть обиды на определенном месте, легкое переселение на окраину, колонизация этой окраины и превращение ее в часть русского государства, а затем – дальнейшее переселение подальше от обид. Введением крепостничества Российское государство, столкнувшееся в эпоху Смуты с демографическими последствиями массового переселения с Севера на новозавоеванные земли по Волге, драконовскими мерами гасило «броуновское движение» народа, практически не видевшего границ своей державы и готового, рискуя, идти в дальний путь. Но и после закрепощения поток желающих попытать счастья в Сибири, Новороссии, на Кавказе, в оказавшемся совсем недалеким Туркестане не иссякает.

Этнолог С.В. Лурье называет это движение «игрой в кошки мышки» государства с народом². Если русские бегут туда, где государства еще нет, то они считают, что раз мы здесь живем, то значит тут Россия. И вслед за ними приходит государство, которое не возвращает беглецов, а разрешает пока им жить на новом месте по заведенным ими правилам. И наоборот, если где-то государство появилось, а русских еще нет, то скоро будут, и в немалом числе. И эта новозаселенная земля считается русской землей. Классическим примером такого народного расширения государства является история присоединения Бухтарминской волости по горноалтайскому притоку Иртыша Бухтарме в конце XVIII века. Именно от этой народной аннексии и ведет, видимо, начало, легенда о Беловодье [33, с. 261–262].

Колонизационный бег, охватывающий время с середины XVI по начало XX столетия, составляет, наверное, одно из самых впечатляющих достижений русской цивилизации. Пространственный аффект здесь рационализирован идеально. И если на макроисторическом уровне он задает впечатляющую модель народной колонизации, то на микроуровне – порождает характерную для русских модель расселения: малодворную деревню. Именно деревня из одного-двух-трех дворов, отделенная от другой непроходимыми лесами, а связанная лишь узкой лентой реки, – норма для русского культурного типа.

¹ «Тесно стало моему дедушке жить в Симбирской губернии, в родовой отчине своей, жалованной предкам его от царей московских; тесно стало ему не потому, чтоб в самом деле было тесно, чтоб недоставало лесу, пашни, лугов и других угодьев, – всего находилось в излишестве, – а потому, что отчина, вполне еще прадеду его принадлежавшая, сделалась разнопоместною... уже четверо чужих хозяев имели право на общее владение неразмежеванною землею, – и дедушке моему, нетерпеливому, вспыльчивому, прямому и ненавидящему домашние кляузы, сделалась такая жизнь несносною. С некоторого времени стал он часто слышать об Уфимском наместничестве, о неизмеримом пространстве земель, угодьях, привольях, неописанном изобилии дичи и рыбы и всех плодов земных, о легком способе приобретать целые области за самые ничтожные деньги...» [1, с. 57].

² «Бегство народа от государства выливалось по сути в выполнение важнейшей по тем временам государственной функции – колонизации новых земель. “Нигде русское движение не было исключительно военным, но всегда всюду вместе с тем и земледельческим”. В большинстве регионов империи применялся один и тот же метод – “продвигаясь вперед, мы заселяли русскими людьми наш тыл”. Однако в большинстве случаев слово “заселяли” мало отражает суть вещей. При всей важности для государства народной колонизации, шла словно бы игра в кошки-мышки. Вплоть до XX века переселенцы тайком бежали с родины, тайком пробирались в Сибирь по неудобным путям сообщения... Однако напор колонизационного движения кажется поистине удивительным. Так, первые крестьянские просьбы о поселении в Сыр-Дарьинской области относятся еще к 1868 году – году завоевания» [17, с. 162].

В XX веке эта традиционная русская модель расселения стала жертвой уничтожения, равнозначного геноциду. Хрущевская кампания «ликвидации неперспективных деревень» привела к уничтожению десятков тысяч поселений, сгону их жителей в уродливые «поселки городского типа», где большинство так и не удержалось и либо переехало в города, либо стало жертвой социальной деградации¹. Естественная модель адаптации русских, носящая как экологический, так и психологический характер, была разрушена – начался коллапс всей системы расселения, приведший к трансформации Москвы во всё разрастающийся гигаполис.

Сегодня мы перед вызовом двуединого разрушительного процесса – территориального коллапса России, сжатия ее территории в 1991 году, противоречащего колониционной установке русской цивилизации, и коллапса системы расселения. И если в первом с воссоединением Крыма наметился определенный перелом – Россия вновь расширяется, а не сжимается, то со вторым вызовом еще только предстоит начинать справляться.

От земного Рая к Святой Руси

Один из скрытых архетипов, управляющих русской подвижностью, – уверенность в существовании Рая на Земле. Не как утопического «проекта», но как благодатного пространства явления Силы Божией.

Еще в XIV веке новгородский архиепископ Василий уверял сомневавшегося тверского епископа Федора, что земной Рай существует. Новгородский владыка убеждает тверского собрата в том, что Рай – это не некое чисто духовное место, а реальный сад, и что новгородские мореплаватели были занесены ветром к высоким горам, за которыми лежал Рай, за горами был необычайный свет, оттуда слышались радостные голоса, а сверху к ним подходила небесная твердь. Так что русский Рай он одновременно и где-то далеко, за тонкой духовной гранью, но все-таки в пространстве, к нему можно физически перемещаться (характерно, что Рай у новгородского владыки оказался на Севере).

В этом образе нетрудно увидеть и град Китеж², и страну Беловодье, которую искали старообрядцы³. Град в одних вариантах легенды просто становится невидим, в других – покрывается горами и лесами, в третьих, пожалуй, самых поэтических, уходит на дно озера Светлояр.

Мотив бегства в поисках невидимого града становится в русской культуре одним из основных, будучи формой преобразования изначального русского аффекта. Здесь утеканию ставится высшая духовная цель. И, что характерно, русский, когда бежит, бежит не из царства, а, напротив, в подлинное мистическое царство, в Град Китеж, в Беловодье, в Небесный Иерусалим. Он уходит от мира в свой, русский, высший мир.

¹ «В северной и центральной России, где большое число малодворных деревень было признано неперспективными, запрещалось строительство жилых домов, поощрялось переселение семей на центральную усадьбу. Эти мероприятия привели к разорению и запустению многих мелких селений, способствовали миграции сельского населения в город, пагубно отразились на развитии экономики сельского хозяйства» [23, с. 233].

² «“Иже на конец века сего чудо явися невидим град бысть, якоже и в прежняя времена бысть много монастырей, не видимы быша... и сей град большой Китеж невидим бысть и покровен рукой Божиею...” Повесть – призывна, агитационна... Она зовет человека с нераздовоенным умом и верою неизменной, бесповоротно решившегося стать насельником Китежа, идти в него, обещая благоутопическое пристанище...» [14, с. 220].

³ «Расположено Беловодье за высокими горами на краю земли... Жители Беловодья живут на 70 больших островах», «а малых и исчислить невозможно»... «А тамо антихрист не может быть и не будет» [33, с. 274–275].

Наиболее впечатляющим примером «русского бегства» стала монастырская колонизация Севера, в которой взыскивающие вышнего града монахи-пустынники были главной движущей силой хозяйственного и политического освоения громадных просторов.

Сами святые старцы называли свое перемещение в леса бегством в Пустыню, а Северная Русь получила название Северной Фиваиды. Сравним эту Северную Фиваиду с первоначальной – египетской пустыней в районе Фив. Туда, в пустыню, египетские монахи убегали от мира, однако на месте немедленно сбивались в большие и малые политические сообщества, бывшие своеобразными констелляциями частных волей, хотений, недостатков, преодолеваемых через монашество. Описания жизни египетских отцов – «Патерики» – это картина ярких человеческих характеров и забавных жанровых сценочек.

Русские монастыри почковались один от другого, сохраняя заданный преподобным Сергием Радонежским общежительный характер. Из старого монастыря уходил один монах, вокруг него собирались еще несколько, затем вокруг монастыря складывалось село или даже город, и вот уже прибежище пустынника становится центром цивилизации на обширном пространстве. И речь идет не просто о включении заповедных лесов и полей в новую церковную и хозяйственную структуру монастыря. Речь о вторжении в обычную жизнь чуда – «среди заповедного леса появлялся святой, и все естественные законы бытия начинали нарушаться» [22, с. 12]. Там, где основатели Пошехонского монастыря ставят на дерево икону, рыбаки ловят двух необычайно больших щук и оставляют одну из них под деревом преподобному. Нежданно обретя пропитание, преп. Адриан Пошехонский молится: «Мы, рабы Твои, искали в этом диком лесу высочайшего места, где нам поселиться. Ты же, Царица, захотела на этом естественном месте быть и нам помогать, послав хлеб и рыбу» [22, с. 13].

Чудо может не только улучшить, но и ухудшить среду. Народная легенда о преп. Александре Ошевенском приписывает святому, изгнанному мужиками из деревни Холуй, своеобразное проклятие («Живите у воды, но без воды»), с которым связывается пересыхание реки, наполняющейся лишь в половодье [18, с. 142–202].

Если народная утопическая колонизация – это бег в поиске сверхъестественных мест, то колонизация монашеская – преобразование естественного места, преобразование его посредством молитвы и чуда, сакрализация пространства. Это парадоксальное освоение цивилизацией пространства через бегство от мира неудержимо длилось три столетия – XIV, XV и XVI – и создало значительную часть хозяйственного и культурного потенциала Европейской России, создало Русский мир. Монастырь и давал бежать, освобождал первичный русский аффект и в то же время сковывал, накладывал на это бегство жесткую дисциплину высокой духовной цели.

В итоге, достигнув концов земли, русский поиск Рая остановился на том, что сама Русь и есть Святая Земля, не как почва, конечно, но как сонм святых, искавших здесь спасения. Небесная Церковь в русском сознании пространственно соединена с земной, образуя Святую Русь – удивительное единство посюсторонней жизненной реальности и богопросветленного тонкого мира.

Практически каждый уголок Русской Земли присутствием святых поднят на высоту Рая – в этом реализуется православное паламитское учение о благодати как реальном божественном присутствии в материальном мире. Небесная и Земная Церковь в православном миропонимании едины и находятся в постоянном взаимном общении.

Если в географическом плане Россия – переплетение рек, то в духовном – наложение пространств, где проходили жизнь и подвиг русских святых. Практически каждый аспект русской цивилизации может быть представлен через его

осуществление святыми – прославленными и непрославленными. У нас есть агиополитика – воздействие святых и святынь на политические процессы, агио-литература и агиоискусство – вклад святых в развитие русской словесности и иконописи. Даже страшное дело войны освящено решающим вкладом святых – от Александра Невского до адмирала Ушакова.

Пронизанность русской цивилизации идеей святости есть не форма самовосхваления, а строгий вывод из сочетания реальной всеохватывающей деятельности святых и критериев церковной канонизации и народного почитания. Хотя этот аспект цивилизации нередко профанируется, и не святость берется за образец, а, напротив, святым норовят объявить того или иного выдающегося человека, порой и тирана.

Культурный универсализм: византийский парадокс

Достоевский однажды заявил в споре французскому дипломату: «Мы обладаем гением всех народов, и сверх того русским гением. Вот почему мы в состоянии понять вас, а вы нас – нет» [8, с. 109]. Именно это превосходство русских в понимании, благодаря которому мы понимаем чуждую культуру, оставаясь непонятыми иностранцами, Достоевский и называл всемирной отзывчивостью. И нет ничего более противоречащего его идее, чем превращать ее в сентиментальный компот: мол, русские всех понимают, принимают и жалеют, у них нет ничего своего. Напротив, особенность русской культуры – познавать, оставаясь непознанной.

Русская культура чрезвычайно амбициозна. Мы стремимся к достижениям и признанию во всех сферах – проза, музыка и балет (что нам дается легко), поэзия, живопись, скульптура, театр, опера, кино (что дается несколько труднее). Даже находясь в тяжелых экономических и военных обстоятельствах, Россия продолжает поддерживать обширные культурные притязания. Эта черта маркирует русских именно как цивилизацию, а не только как одну из наций Запада. Англичане не переживают из-за слабости своей классической музыки, немцы не рвутся к признанию своей живописи.

При этом то, что Россия смотрится в Запад, как в зеркало, нормально. Перед нами две европейские цивилизации-сестры, базирующиеся на общем античном наследии. Романо-кельто-германский Запад и эллино-византо-славянская Россия. От Византии Россия получила не только православие, но и полноценный культурный комплекс, который сэкономил тысячелетие фазового отставания от ядра Западной Европы. Реймсу, когда в нем возвели великий собор, – было 1200 лет, Владимиру – 200 лет.

Через эту тысячелетнюю пропасть мы шагнули благодаря Византии, византийскому христианству. Византийское наследство – не то, что тянет назад, а то, что двинуло нас на тысячу лет вперед. Херсонес – географическая и смысловая точка, объединяющая нас с Византией и Древней Грецией, одним махом увеличивающая продолжительность русской истории на тысячу лет.

Именно в византийской трансляции культуры – разгадка русского культурного универсализма. Россия получила в готовом виде высокую, сложную и развитую культуру вместе с религией и набором символических кодов. При этом материальная база для столь сложной культуры была в России явно недостаточна. В бедной и малонаселенной стране поддерживать такую сложность, казалось, было невозможно.

Воздействие Византии на русскую цивилизацию состояло в том, что она задала саму матрицу цивилизации, понятие о цивилизованной жизни. Эта матрица изрядно противоречила условиям среды – огромным редконаселенным равнинным лесным пространствам, пронизанным реками в очень холодном

климате, – вместо средиземноморского мегаполиса, окруженного горными массивами в жарком климате. Эта матрица изрядно противоречила и аффективному строю русских – стремлению растекаться, жить малыми группами, при обиде – удаляться, а затем – удаляться еще дальше.

Результатом должно, казалось бы, стать противоречие, внутренний конфликт и разлад. Но не происходит ничего подобного – византийская цивилизация не только существует в совершенно не подходящей среде, но и достигает новых высот. Посреди лесных дебрей русские строят помпезные храмы. Не богато изукрашенные изнутри церквушки, зажатые на тесных улочках среди мегаполисов, как строили греки. Не роскошные асимметричные соборы со скульптурой, которые невозможно рассмотреть целиком, слишком близко они облеплены домами, – как латиняне в эпоху готики. Русские строят помпезные экстерьерные храмы посреди лугов и чащ, на высоком речном берегу. Кому? Медведям?

Русская цивилизация – сложнейшая культурная система, заброшенная к медведям. По всем «законам эволюции» она должна упроститься. Вместо этого она находит пути, чтобы функционировать в исходном сложном виде, и любой доступный ресурс использует для поддержания сложности, а не для упрощающей адаптации.

Вопреки непрестанному народному движению, в русской культуре заложена установка на «духовную оседлость», по прекрасному выражению писателя Дмитрия Данилова¹. Культурная сложность является для русских самостоятельной ценностью.

Шатровый храм: лестница в небо

Ни в чем культурное своеобразие Руси, одновременно продолжение и отход от византийского наследия, не выразились с такой полнотой, как в феномене шатровой архитектуры. Архитектура – это всегда выражение символического представления о пространстве. И ни в чем специфичное для русской цивилизации восприятие пространства не выразилось с такой ясностью, как в идее шатрового храма-знака.

Столпообразная церковь святого Иоанна Лествичника в Кремле (1508), чьим возможным прототипом была колокольня Иосифо-Волоколамского монастыря (1495), церковь Вознесения в Коломенском (1532), собор Покрова на Рву (1555), церковь святого Иоанна Предтечи в Дьякове (середина XVI века), церковь Богоявления в селе Красном (1592) – всё это этапы развития оригинальной русской архитектурной идеи храма-знака.

В противоположность зажатым на тесных городских улицах экстерьерным византийским храмам, сосредоточенным по большей части на убранстве интерьера, древнерусский храм все больше эволюционирует от заданного греками образца к экстерьерности. Это не зажатый среди усадеб и лавок кусочек не-

¹ Писатель рассказывает о целой системе народного сохранения памяти об И.С. Тургеневе на Орловской земле: «Оказывается, во времена советского музейного бума вся Орловская область оказалась покрыта сетью маленьких музеев и музейчиков. Они есть в каждом райцентре, во многих селах и даже деревнях. Везде, где ступала нога Тургенева, где он бывал в гостях, где охотился, – практически в любом подобном месте есть, пусть совсем крошечный, но музей. Вся эта сеть сохранилась по сию пору.

По словам Людмилы Анатольевны, страсть к краеведению у орловцев в крови: – Принято у нас интересоваться историей родного края, такой у нас народ. И это создает атмосферу, я бы сказала, духовной оседлости. Люди живут на своей земле не только потому, что их держит здесь экономическая необходимость или они не могут никуда уехать, но и потому, что они знают и любят свою малую родину» [9, с. 184–185].

бесного мира, а храм-знак, храм-знамя и храм-знамение – светильник вверх горы, который свидетельствует о Божием присутствии в мире и об устремленности человека вверх, к высшему бытию.

В устремленности шатра к небу нет готической дерзости – это не порыв, это Лестница Иаковля, – вниз спускаются ангелы, наверх поднимаются святые. Очень хорошо это чувствуется в росписи шатра Покровской церкви в Александровской слободе – уникальный случай, когда шатер был расписан и тем самым его идея иконографически раскрыта. Эта роспись устроена так же, как «лестница» иконостаса: древнее и вневременное вверх – архангелы, праотцы, новое и историческое вниз – святые, апостолы, пророки. Шатер, как и иконостас, может быть прочитан и как восхождение, и как нисхождение, но в любом случае – как включение дольного в Небесную Иерархию.

Не случайно русский шатер – чисто национальная архитектурная форма, не имеющая аналога нигде в мире, – оказался столь сходен с ракетой. Здесь, несомненно, заложен фундаментальный для русской цивилизации символизм восприятия пространства. Русскость не устремлена к фиктивной бесконечности – она есть точечный прорыв в иное.

Непонимание Освальдом Шпенглером подлинного русского пространственного прасимвола, отрицание «какой-либо вертикальной тенденции» в русском мироощущении – одна из самых крупных интеллектуальных неудач в «Закате Европы»¹. В итоге эта неудача привела немецкого философа к формулировкам, которые сегодня звучат настоящей насмешкой над ним: «Русский астроном – ничего более естественного быть не может. Он просто не видит звезд» [35, с. 308].

На деле именно русская цивилизация первая оторвалась от Земли и вышла в космос. Но еще ранее именно русская мысль первой решилась обнародовать переход к неевклидовой геометрии (великий Гаусс установил все основные принципы неевклидовой геометрии, но до конца жизни боялся публично их обнародовать, и отважный математик Лобачевский его опередил). Русское пространство очевидно изгибается там, где фаустовское пространство европейца движется по шаблонной экспоненте. Шатер русской церкви, одиноко стоящей на холме, есть точка стяжения, выводящая в иное измерение, иной мир.

От Ярославны до Татьяны

Одним из центральных образующих любую культуру элементов является архетипическое представление о взаимоотношениях мужчины и женщины. «Роль женщины всегда предстает как цивилизационная структура, как своеобразный тест, потому что в каждой цивилизации эта роль является долговременной реальностью, сопротивляющейся внешним воздействиям, с трудом изменяемой в относительно короткий отрезок времени» [4, с. 58].

¹ «Прасимвол русскости – бесконечная равнина, не находит пока твердого выражения как в религиозном, так и в архитектурном отношении. Холмообразная церковная крыша почти не выделяется на фоне ландшафта, и торчат на ней шатровые коньки с “кокошником”, маскирующие и нейтрализующие обращенность вверх. Они не возносятся подобно готическим башням, и не покрывают, подобно куполам мечети, но именно “торчат”, подчеркивая этим горизонтальность строения, которому угодно быть на виду с исключительно внешней стороны. Когда Синод к 1670 году запретил шатровые крыши и предписал ортодоксальные луковичи, на тонкий цилиндр были насажены тяжелые купола, в каком угодно количестве “торчащие” на плоскости крыши» [34, с. 248]. Шпенглер, таким образом, принимает за еще не родившийся русский стиль то, что было результатом его разрушения.

Для западноевропейской цивилизации таким центральным мотивом является предание о супружеской измене, передаваемое во множестве вариантов: «Тристан и Изольда», предание о Ланселоте и Гвиневре, изощренный сюжет Зигфрида и Брюнхильды (адюльтер без адюльтера) многочисленные сюжеты куртуазной поэзии трубадуров.

Для провансальской поэзии, сформировавшей сам культурный код любви в западноевропейской культуре, важен именно образ Дамы – супруги сеньора, которая выступает объектом целомудренного, а порой и плотского восхищения и желания. Элиас это объясняет статусом такой женщины – куртуазный восторг, вежливость, нежность, всё это поведение подчиненного, трубадура, по отношению к госпоже. Не будь этих отношений господства и подчинения, никакой куртуазности и культа женщины, по мнению Элиаса, не выработалось бы¹.

Но это лишь один подход к проблеме. С другой стороны, мы можем заметить, что постоянно воспроизводящаяся в западноевропейской культуре тема адюльтера является своеобразным способом осуществления индивидуальности женщины. Такая изменница как бы выступает за пределы отведенной ей обязательной социальной ниши хранительницы рода и очага и подчеркивает свою индивидуальность. Сущность европейского романа как манифестации западной цивилизации – в утверждении самостояния личности через ту или иную степень попрания половой морали с помощью романтической любви. Эта тема обретения индивидуальности через адюльтер может быть прослежена как центральная для западной цивилизации даже до сего дня, несмотря на ее малую актуальность в повседневной жизни в эпоху после сексуальной революции.

Традиционная русская культурная матрица выстроена от обратного. Супружеские измены, разврат, адюльтер – всё это исключено из литературы факта, например, историографии, и сведено к минимуму даже в нравоучительной литературе.

Святитель Григорий Турский в «Истории франков» во всех подробностях описывает грешную «галантную жизнь» королей Меровингов. Напротив, мы не знаем от летописцев ничего о частной жизни русских государей от Владимира Святого и до Василия III (да и о последнем мы узнаем лишь в связи с разводом с Соломонией Сабуровой). Исключением являются лишь жизненные перипетии галицких князей – Ярослава Осмомысла и его сына Владимира – их галантные дела, обычные для любой европейской или византийской хроники, в русской летописи выглядят скандалом, вполне объяснимым положением Галича на крайнем западе Русского мира, в пределах влияния соседских культурных кодов.

В ядре русских земель частная жизнь правителей, будь она хороша или дурна, покрыта этикетным молчанием. Во всех русских летописях есть лишь одна «постельная сцена» – ревнующая Рогнеда пытается посягнуть на убийство мужа. То есть и здесь адюльтер появляется в сюжете только в ключе его отрицания. Это, конечно, ничего не говорит о реальном поведении людей той эпохи, но очень многое – о культурном стандарте².

Способом личного самоутверждения женщины оказывается не измена, но верность. Поэтому образ сильной женщин, проявившей свою личность, – это прежде всего вдова, как княгиня Ольга, входящая в историю мстостью за

¹ «Недоступность или труднодоступность желанной женщины, принудительное сдерживание влечений у социально зависимого мужчины, обязательные для него регулирование и сублимация влечений ведут к тому, что трудноосуществимые желания начинают обретать выражение в сновидческом языке поэзии» [38, с. 86].

² Еще раз подчеркну, речь идет о культурных образцах, а не о повседневном поведении, которое может от этих образцов значительно отличаться. Реальные сексуальные практики русского средневековья нашли отражение, к примеру, в покаянных книгах, исследованных в монографии В.Ю. Лещенко [15, с. 229–247].

мужа, или решительная Марфа Борецкая, пытающаяся править Новгородом и противостоять Москве после смерти мужа-посадника. Наричательным женским образом в русской литературе становится Ярославна, тоскующая на стене в Путивле по томящемуся в плену Игорю, или верная Настасья Марковна протоппа Аввакума с ее «ино еще побредем». Есть в русском эпосе и тема прямого отвержения адюльтера – история сватовства Алеши Поповича к Настасье Микулишне.

Классическим «антиадюльтерным» произведением древнерусской литературы выступает «Повесть о Петре и Февронии». «Есть что-то общее в деталях этой повести с западноевропейским средневековым повествованием о Тристане и Изольде», – отмечает академик Д.С. Лихачев и проводит немало сближающих параллелей [16, с. 275]. Но при всем родстве двух произведений их противопоставляет главное: «Тристан и Изольда» – это трагическая история состоявшегося адюльтера, «Повесть о Петре и Февронии» – история адюльтера пресеченного, история о верности – верности жены мужу и необходимости верности своему слову, в которой убеждается князь Петр, попытавшись обмануть Февронию. История любви в древнерусской повести утверждается на верности, так же как в западноевропейской любовь утверждается через поправление верности.

Казалось, что послепетровская трансформация русской культуры должна была изменить этот культурный код, приведя его в соответствие с воцарившейся галантной атмосферой, перенесенной в Петербург из Версаля. Галантная поэзия и проза действительно появляются, и в большом количестве. Но когда дело доходит до большой формы и глубокого содержания, русская классическая литература воспроизводит именно традиционный архетип: является пушкинская Татьяна, которая вопреки всей ожидаемой логике романа осуществляет себя через верность даже вопреки чувствам. Роман Пушкина заканчивается ровно там, где европейский метасюжет предполагал начало романа. Характерно, что подавленный аффект Онегина выражает себя в путешествии. Впрочем, продолжение романа не удастся, поскольку его центральным событием становится именно отвержение Татьяной Онегина.

Русская классика раз за разом предпринимает подходы к европейскому романтическому метасюжету и раз за разом терпит великую неудачу. Русский роман оказывается историей об отвергнутом адюльтере, несостоявшемся адюльтере, самоубийственном адюльтере – будь то «Гроза» Островского или «Анна Каренина». Роман Толстого оказывается шедевром русско-европейского литературного синтеза – безупречно исполненная в традициях европейского романа история адюльтера и безупречно же воспроизведенный русский сценарий – адюльтер оказывается бессмысленным и самоубийственным, он не проявляет, а угашает личность героини. Если Эмма Бовари у Флобера запутывается во внешних обстоятельствах, сопровождающих ее поступок, и гибнет из-за них, то толстовскую Анну убивает именно самоисчерпание, нравственный тупик ее положения, рядом с которым торжествует гармоничная семья Левиных.

Лишь разрыв с традиционной русской культурой после революции открывает дорогу романам с европейским метасюжетом: «Тихий Дон», «Мастер и Маргарита», «Доктор Живаго» – во всех этих случаях писателю удастся освободиться от Татьяны Лариной. Но не совсем. Аксинья гибнет от пули. Лару уносит к гибели водоворот гражданской войны. Маргарите и Мастеру находится лишь одно место – в тихом и тенистом уголке ада.

Но насколько устойчив даже этот зигзаг? Первое же обращение к традиции, произошедшее в прозе деревенщиков, восстанавливает почти летописное и житийное целомудрие. Маленький шедевр этого возвращения – «Уроки французского» Валентина Распутина, настоящая «анти-Лолита», история люб-

ви ученика и учительницы, в которой не мыслима никакая «романтика». Поэтому говорить о том, что со всемирной сексуальной революцией русский метасюжет отошел в прошлое, окончательно уступив место западноевропейскому, я бы не спешил.

Соотношение Западной и Русской цивилизаций – двух цивилизаций античного корня – может быть передано через отсылку к двум классическим эпосам. Западная цивилизация – это цивилизация «Илиады», истории о неверной Елене, нанесенном оскорблении и разразившейся кровавой и героической войне. Русская цивилизация – цивилизация «Одиссеи», история о перемещении, трудном пути домой и женской верности, воплощенной в фигуре Пенелопы, отвергнувшей все искушения и дождавшейся мужа.

Литература

1. Аксаков С.Т. Собр. соч.: в 5 т. М.: Правда, 1966. Т. 1. Семейная хроника; Детские годы Багрова-внука. С. 55–260.
2. Алексеев В.В., Алексеева Е.В., Зубков К.И., Побережников И.В. Азиатская Россия в геополитической и цивилизованной динамике. XVI–XX века. М.: Наука, 2004.
3. Базилевич К.В. Внешняя политика Русского централизованного государства: Вторая половина XV в. М.: Территория, 2001.
4. Бродель, Фернан. Грамматика цивилизаций. М.: Весь мир, 2008.
5. Бродель, Фернан. Структуры повседневности: возможное и невозможное. М.: Прогресс, 1986.
6. Бродель, Фернан. Что такое Франция? М.: Изд-во имени Сабашниковых, 1994. Т. I. Пространство и история.
7. Васильев С.А., Абрамова З.А., Григорьева Г.В., Сеницына Г.В., Хлопачев Г.А. Два типа адаптаций древнего человека на Русской равнине в финале плейстоцена // Этнокультурное взаимодействие в Евразии. М., 2006. Кн. первая.
8. Гроссман Л. Достоевский – реакционер. М.: Common place, 2015.
9. Данилов Д. Двадцать городов: Попытка альтернативного краеведения. М.: Ил-music, 2016.
10. Джаксон Т.Н., Калинина Т.М., Коновалова И.Г., Подосинов А.В. «Русская река»: Речные пути Восточной Европы в античной и средневековой географии. М.: Языки славянских культур; Знак, 2007. С. 207–241.
11. Истомина Э.Г. Водные пути России во второй половине XVIII – начале XIX века. М.: Наука, 1982.
12. Казанская история. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954.
13. Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси. Семь слов о Русском мире. М.: Всемирный русский народный собор, 2015.
14. Клибанов А.И. Народная социальная утопия в России. М.: Наука, 1977.
15. Лещенко В.Ю. Русская семья (XI–XIX вв.). СПб.: СПГУТД, 2004.
16. Лихачев Д.С. Великое наследие // Лихачев Д.С. Избранные работы: в 3 т. Л., 1987. Т. 2.
17. Лурье С.В. Историческая этнология. М.: Аспект-Пресс, 1998.
18. Мороз А.Б. Святые русского Севера: Народная агиография. М.: ОГИ, 2009.
19. Несмелов В.И. Наука о человеке. Казань, 1898. Репринт: СПб., 2000. Т. 1.
20. Пиренн, Анри. Империя Карла Великого и Арабский Халифат. М.: Центрполиграф, 2011.
21. Полубояринова М.Д. Русские люди в Золотой Орде. М.: Наука, 1978.
22. Романенко Е. Повседневная жизнь русского средневекового монастыря. М.: Молодая гвардия, 2002.
23. Русские. М.: Наука, 2005.
24. Русский Север: Этническая история и народная культура XII–XX веков. М.: Наука, 2004.
25. Свечин А.А. Эволюция военного искусства. М., 2002.
26. Селезнев Ю.В. Русско-ордынские конфликты XIII–XV веков: Справочник. М.: Квадрига, 2010.
27. Славяне и скандинавы. М.: Прогресс, 1986.
28. Тихомиров М.Н. Россия в XVI столетии. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1962.
29. Фернандес-Арместо, Фелипе. Цивилизации. М.: АСТ, 2009.
30. Холмогоров Е.С. «Русский аффект»: Оскорбление и обида // На пространствах империи: традиция, история, культура. М.: Институт динамического консерватизма, 2012. С. 72–91.
31. Цымбурский В.Л. Новый возраст России: Интервью // Русский журнал. 2007. 4 октября. URL: <http://www.russ.ru/layout/set/print/Mirovaya-povestka/Novyj-vozrast-Rossii>
32. Цымбурский В.Л. «От великого острова Руси»: К прасимволу российской цивилизации // Цымбурский В.Л. Остров Россия: Геополитические и хронополитические работы. М.: Росспэн, 2007. С. 340–368.

33. *Чистов К.В.* Русская народная утопия (генезис и функция социально-утопических легенд). СПб.: Дмитрий Буланин, 2011.
34. *Шпенглер, Освальд.* Закат Европы. М.: Айрис-пресс, 2003. Т. 1.
35. *Шпенглер, Освальд.* Закат Европы. М.: Айрис-пресс, 2003. Т. 2.
36. *Щепанская Т.Б.* Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв. М.: Индрик, 2003.
37. *Щербатов М.М.* Избранные труды. М.: Росспэн, 2010.
38. *Элиас, Норберт.* О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. М.; СПб.: Университетская книга, 2001. Т. I–II.
39. *Яковлев А.* Засечная черта Московского государства в XVII в. М., 1916.
40. *Homo sungirensis.* Верхнепалеолитический человек: экологические и эволюционные аспекты исследования / Под ред. Т.И. Алексеевой и Н.О. Бадер. М., 2000.

Аннотация. В статье изложена авторская концепция русского этноса-цивилизации. Такая цивилизация устойчиво функционирует во взаимодействии с множеством других народов, что не мешает русским сохранять собственную идентичность. Подчеркивается существенное значение для последней цивилизационного соперничества с Европой: без такового соперничества Россия была бы гораздо менее русской и гораздо менее европейской. Среди факторов, предопределивших устойчивость русской цивилизации, автор выделяет прежде всего культуру выращивания ржи, что позволило существовать в суровых условиях континентального Севера, а также способ расселения по берегам рек и озер, сформировавший Россию как пространство переплетенных друг с другом и соединенных волоками речных бассейнов. Выдвигается гипотеза о наличии специфически русского механизма социальной саморегуляции – «русского аффекта».

Ключевые слова: русские, этнос-цивилизация, Север, Сибирь, культура ржи, русский хозяйственно-культурный тип, засечная черта, «русский аффект», колонизация, русская культура.

Yegor Kholmogorov, Essayist; Editor-In-Chief, “Russian Observer” and “New Chronicle” Online Magazines. E-mail: holmogorow@yandex.ru

Russian Civilization. Category of Conception

Abstract. The article presents the author’s conception of Russian ethnic civilization. Such civilization persistently functions in co-operation with many other nations while Russians are able to preserve their own identity. The author emphasizes the importance for the latter of civilizational competition with Europe: without such competition Russia would have been by far less Russian and less European. Among the factors that predetermined the stability of Russian civilization the author singles out first of all the traditions of growing rye enabling people to survive in the severe environment of continental North and of settling on the river and lake shores that formed Russia as the country of numerous intertwining river basins interconnected by trails. The author puts forward the hypothesis of specific Russian mechanism of self-regulation – “Russian affect”.

Keywords: Russians, Ethnic Civilization, the North, Siberia, Cultivation of Rye, Russian Economic and Cultural Type, Zasechnaya Cherta (Great Abatis Line), “Russian Affect”, Colonization, Russian Culture.